
КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Весь этот раздел представляет собой критику аналитическими философами представителей континентальной философии. Честно говоря, мне нечего добавить к прилагаемым переводам, поскольку они говорят сами за себя.

Пол Эдвардс

ПОИСКИ ХАЙДЕГГЕРОМ БЫТИЯ

(Paul Edwards . Philosophy 64, 1989. pp 437–470).

Невозможно большое число ложных философских точек зрения обязаны просто непониманию того, что значит термин «существование»... Такие точки зрения основываются на представлении, что существование является свойством, которое вы можете приписывать вещам, и что существующие вещи имеют это свойство, а несуществующие – не имеют. Это просто вздор.

Б. Рассел

Я посмел проткнуть несколько метафизических воздушных шаров, и из них не вышло ничего, кроме горячего воздуха.

Вольтер

Нервные заскоки и Величайший Искатель нынешнего века

Мартин Хайдеггер умер в 1976 году. На его похоронах Бернхард Вельте, католический священник и профессор Христианской философии религии Фрайбургского университета произнес краткую речь,

в которой он уподобил «путь» Хайдеггера величайшему искателю этого века. Вельте также заметил, что мысль Хайдеггера «потрясла мир и век». Если значимость философа определяется числом комментариев на его работы и переводами его книг, замечание Отца Вельте абсолютно точно. О Хайдеггере написано больше книг и статей, в основном сочувственного толка, чем о любом другом философе XX века, а его книги переведены не только на французский, немецкий, итальянский и испанский языки, но также и на арабский, китайский, хорватский, чешский, японский, корейский, португальский, румынский и другие языки. Я получил всю эту информацию из огромного тома (более 500 страниц) «Мартин Хайдеггер, Библиография и Указатель», опубликованном в 1982 году под редакцией Ганса-Мартина Засса. Засс не упоминает при этом переводов на иврит. Вероятно, в этом есть своя справедливость – евреи и так уже достаточно пострадали.

Отец Вельте едва ли является философом или теологом с международной известностью, но такие же вдохновенные хвалебные речи можно слышать и от влиятельных фигур. Так, в своей автобиографии Ганс-Георг Гадамер описывает Хайдеггера как «искателя золота речи и мысли», как человека, «излучавшего несравненную ауру», чьи лекции проявляли «блистательную энергию революционного мыслителя». «Почему мы должны отрицать», говорил Гадамер, «что огромным преимуществом является то, что ваш учитель является гением?» В речи в честь 75-летия рождения Хайдеггера Гадамер говорит нам, что гениальность Хайдеггера видна уже при одном только взгляде на него. «Уже в тот момент, когда наши глаза встретились в первый раз, я понял, кем он был – провидцем – мыслителем, смотрящим вперед». Не только глаза, но и голос Хайдеггера впечатлил Гадамера. Он замечает, что когда во время чтения лекций Хайдеггер достигал «крайних пределов мысли», его голос, обычно звучный, переходил в верхний регистр. Постепенно, в кульминационный момент упорной борьбы высочайшего накала, напряжение становилось почти невыносимым, голос Хайдеггера исчезал вообще. Язык Хайдеггера произвел на Гадамера огромное впечатление. На самом деле он казался столь магическим, что наводил Гадамера на мысли об оккультном. Слова и фразы Хайдеггера имели такую «образную силу, которую не удавалось достичь ни одному из современных мыслителей». Они делали ментальное столь осязательным, что нельзя было не вспомнить о феномене материализации, упоминаемом в оккультной литературе. Интересно отметить, что Карл Левит, который был близок к Хайдеггеру много лет, оставил совсем

другие воспоминания. «Хайдеггер никогда не мог смотреть на что-либо открыто какой-то отрезок времени», пишет Левит. Его лоб морщился, лицо становилось непроницаемым, взгляд опускался вниз. Если по ходу разговора, продолжает Левит, «что-то заставляло его смотреть прямо, его лицо становилось непроницаемым и опасным, потому что искренность в отношениях с другими была для него недоступна». (Книга Левита, которая была написана в 1940 году в Японии в изгнании, является одним из наиболее волнующих описаний деградации немецкой академической жизни до прихода нацистов и во время их правления).

В 1969 году германское телевидение отметило 80-летие Хайдеггера рядом бесед по поводу его монументальных достижений. Одним из собеседников был известный католический теолог Карл Ранер. Называя Хайдеггера «учителем», он сообщил слушателям, что хотя у него было много преподавателей, только одного из них «он мог бы назвать почтительным титулом учителя». Он с благодарностью признал, что Хайдеггер «учил нас вглядываться во все, и им открывалась невыразимая тайна, которая располагалась (*verflucht*) над нами». Не стоит и говорить, что «невыразимой тайной», которая «располагалась над нами», было Бытие Хайдеггера.

В отличие от Ранера, Ханна Арендт позднего периода не была ни теологом, и даже верующей в Бога. Она также не верила, насколько я знаю, в «невыразимую тайну» во всем, но она дала нам такой же восторженный отзыв о философских достижениях Хайдеггера. «Дух, пронизывающий все мышление Хайдеггера, подобно духу, достигающему нас через тысячу лет после работ Платона», писала она не в характерном для нее лирическом тоне, «исходит не из того века, в котором жил Хайдеггер. Он исходит из первозданного времени, и оставляет за собой нечто совершенное, нечто такое, что подобно всему совершенному (по выражению Рильке) впадает туда, откуда вышло». Никакой дальнейшей информации об этом замечательном духе не дается, и это в высшей степени примечательный задаток.

До недавних пор было невозможно найти среди респектабельных англо-саксонских философов поклонников Хайдеггера. Ситуация значительно изменилась в последние десять-пятнадцать лет. Восторги, которые проявляли люди типа Гадамера, Ранера и Арендт, все еще редки, но определенное число известных философов числят Хайдеггера среди величайших философов XX в. Первым среди них стоит, конечно, Ричард Рорти, который нагромождает похвалы Хайдеггеру

в своих работах, начиная со статьи *Преодолевая традицию: Хайдеггер и Дьюи*, опубликованную в 1974 году в *Review of Metaphysics*, и перепечатанную в *Следствиях прагматизма*. (Рорти был одним из тех людей, которые подписали письмо в *New York Review of Books* от 2 апреля 1982 года, защищая решение издательства *Harper and Row* издать перевод работ Хайдеггера, несмотря на критику Томаса Шиха. Письмо, которое также подписали Стэнли Кэвел, Губерт Дрейфус, Карстен Харрис, Джон Хагеланд и Дэвид Хой, выражало благодарность издателю и Гленну Грею за то, что англоязычному читателю будут доступны работы «чрезвычайно важного и трудного философа».) В своей известной книге *Философия и зеркало природы* Рорти включает Хайдеггера, вместе с Гегелем, Марксом, Фреге, Фрейдом и Витгенштейном, в перечень «гениев, которые мыслили новое». Ранее в той же самой книге Хайдеггер назван «одним из трех наиболее влиятельных философов нашего века» (два другие – Дьюи и Витгенштейн). Этому утверждению вторит утверждение из более ранней статьи, в которой все трое описываются как «наиболее плодотворные и оригинальные философы нашего времени». Эта статья содержит некоторые критические замечания, по поводу которых выражается сожаление в предисловии к *Следствиям прагматизма*. Мнение Рорти о Хайдеггере на заключительных страницах этой ранней статьи, с точки зрения самого Рорти, были «незаслуженно не симпатизирующими», но он планирует исправить ситуацию в книге о Хайдеггере, которую он «сейчас» пишет. Но никакой книги не появилось, и нет никаких признаков того, что она пишется¹. Это просто несчастье. Потому что в этой книге Рорти мог бы привести резоны против тех, кто не разделяет мнения о великих заслугах Хайдеггера, Фуко и Деррида как твердолобых Знающих-Ничто».

Хотя не вышла в свет книга самого Рорти, публикация Виктора Фариаса *Хайдеггер и нацизм* предоставил ему очередную возможность высказаться по данному вопросу. Фариас является чилийцем, который учился у Хайдеггера, а теперь преподает в Свободном Университете Берлина. Он не мог найти немецкого издателя, но французский перевод появился в конце 1987 года. Рецензия на книгу, написанная Рорти, появилась в *New Republic* от 11 апреля 1988 года. Для приверженцев Хайдеггера стало привычно извинять его поддержку нацистского ре-

¹ *Примечание переводчика* – на мой вопрос об этой книге Рорти ответил, что он не будет писать такой книги, поскольку все, что он хотел, сказано уже другими людьми – В.Ц.

жима на том основании, что он некритически принимал немецкий национализм, и что он не имел понятия о практических реалиях жизни. Утверждают также, что его вовлечение в нацизм длилось только один год. Рорти никогда не пытался извинить поведение Хайдеггера приведенным выше образом, и правильно указывает, что такое извинение бросает вызов многим фактам, которые стали известными из большого числа публикаций. У него нет слов, — до того он осуждает Хайдеггера как человека. «Он был «весьма скверным типом — трусом и лжецом... Он был эгоманиакальным антисемитским деревенщиной». У него на самом деле было весьма много общего с самим Гитлером: «риторика крови и почвы, антисемитизм, самообман, ...и желание основать культ». Однако ничего из перечисленного не меняет в нашем суждении о философии Хайдеггера, и Рорти вновь подтверждает свой взгляд, что «Хайдеггер был столь оригинальным философом, какой только был в нашем веке». Мы просто должны понять, нравится нам это или нет, что величие в философии может быть скоррелировано с приличием и добротой не в большей степени, чем это можно сделать в математике или микробиологии. Это «результат некоторого нервного заскока, который случается независимо от других заскоков». (Рорти преувеличивает антисемитизм Хайдеггера. Верно, что он не осудил Холокост ни единым словом, и не сделал ничего для того, чтобы помочь многим своим студентам-евреям, но он не преследовал евреев. Левит говорит в своей книге, что некоторые партийные боссы относились к Хайдеггеру с подозрением из-за кажущегося отсутствия в нем антисемитизма.).

Скачок Хайдеггера на берег Бытия

Нервные заскоки — не моя специальность. Так что я без колебаний отклоняю экспертное мнение Рорти. Однако, заскоки или не заскоки, я полагаю, что могу дать сильные резоны для того, чтобы не присоединяться к хору обожателей Хайдеггера. Доминирующей темой в сочинениях Хайдеггера является «поиск» Бытия. «Точно так же, как Кьеркегор прыгнул от религиозной стадии к осознанию “священного другого”», — говорит Вернер Маркс, один из наиболее близких Хайдеггеру последователей и наследник его места во Фрайбурге, «так и Хайдеггер прыгнул “на берега Бытия”». После своего прыжка, Хайдеггер «проникся сильным убеждением», которое разделял и Маркс, что он явля-

ется «голосом и инструментом Бытия». В качестве жреца Бытия он пытался достичь «второго начала» человечества. Каково же значение Бытия? Хайдеггер сам задает этот вопрос в начале книги *Бытие и время* (1927), своей самой знаменитой книги, и двумя годами позднее он заключает в работе *Кант и проблема метафизики*, что «вопрос о концепции Бытия» есть «основной вопрос философии». По большей части, во *Введении в Метафизику*, написанной в 1935 году, но не опубликованной до 1953 года, он объясняет эту задачу как «развертывание истины о сущности Бытия». Эта книга содержит наиболее полное обсуждение хайдеггеровской проблематики Бытия. Сам Хайдеггер рассматривает эту работу как разъяснение вопроса Бытия. Все другие обсуждения Хайдеггера, все примеры, которые он дает о *Dasein* или природе Бытия в *Бытии и Времени* представляет не больше, чем подготовительные исследования природы Бытия. Настоящая статья посвящена проверке этого исследования. Такая проверка позволит нам установить, являются ли оправданными заявления о гениальности Хайдеггера как философа.

Исходным пунктом хайдеггеровских поисков почти всегда является множество размышлений по поводу загадочного статуса «естьности» (*is-ness*) или Бытия или «бытийности» (*Being-ness*), того, что мы обычно называем «существованием». Мы говорим, что собаки и кошки существуют, и что единороги и кентавры не существуют, но как бы тщательно мы ни рассматривали собак и кошек, мы никогда не можем наблюдать существования вещей, которые существуют. Хотя мы не можем наблюдать существования, оно должно быть в этих объектах, или принадлежать им, в противном случае объекты не существовали бы. Следует заметить, что Хайдеггер обычно резервирует слово «существование», которое используется им в специальном смысле, для определенных свойств человека, но не для животных или растений или неодушевленных предметов. В его терминологии проблема состоит в том, чтобы открыть смысл или природу Бытия или бытийности (есть-ности). Вопрос обсуждается довольно пространно во *Введении в метафизику*, где он различает два смысла слова «бытие». В первом и непроблематичном смысле это слово обозначает вещь типа куска мела или школьного здания. Однако оно также означает, что «вызывающее обстоятельство, что вещь имеет бытие, а не небытие, означает то, что составляет ее бытие, если оно есть». В первом смысле, утверждает Хайдеггер, «бытие» означает конкретные бытия в отношении их самих, а не их «есть-ность». Во втором

смысле, слово обозначает «не индивидуальные бытия, но есть-ность, бытийность, Бытие». Хайдеггер затем формулирует его «проблематичность Бытия» в связи с куском мела. Он перечисляет его различные атрибуты: беловато-серый цвет, легкость, ломкость, форму и его положение в пространстве. Но где в куске мела его Бытие? «Что есть бытие в отличие от того, что мы можем занести в существующее или занести в несуществующее?» Та же самая проблема, конечно, возникает в связи с другими вещами и бытиями:

Здесь, через дорогу, стоит школьное здание. Бытие. Мы можем посмотреть на здание со всех сторон, можем войти внутрь, и исследовать все, от пола до потолка, и заметить коридоры, классы, и оборудование. Везде мы найдем бытия, и находим их в определенном порядке.

На этой стадии вновь возникает «проблематичность»:

Где Бытие этой школы? В конце концов, все это *есть*. Здание *есть*. Если нечто принадлежит этому бытию, то это его Бытие; и все же мы не находим Бытия внутри его.

Этот вопрос возникает в сочинениях Хайдеггера после 1935 года. Так, в *Kants These uber Sein* (1962) он пишет:

Мы говорим о камне перед нами... что он есть. «Есть» здесь, то есть Бытие, является предикатом в нашем суждении, в котором камень есть субъект... Каков же смысл «есть»?

В одной из своих последних публикаций *Zur Sache des Denkens* (1969 – в переводе *О времени и бытии*, его пример касается холла, в котором читается лекция:

Холл *есть*. Он *есть* освещенный. Мы осознаем освещенный холл немедленно как нечто, что есть. Но где же в холле найти это «есть»? Нигде среди вещей мы не найдем Бытия.

Перед нами стоит серьезная проблема, и Хайдеггер с ходу убежден, что этот вопрос имеет огромную важность:

Мы находимся в мире с самыми глупыми тонкостями и причудами. Но где во всем этом Бытие?

В дополнение к «*Sein*» «Бытие» и «*das seiende*» (бытия) Хайдеггер также использует термин «*Seinendheit*». Медавару Боссу Хайдеггер предположил, что «*Seinendheit*» может быть переведен как «бытийность» (*beingness*) (с маленькой буквы). Как объясняет Босс, «бытийность» означает «общие характеристики, которые имеют члены определенного класса», «конкретные виды “бытийности”, которые общи всем лошадям в мире.» Согласно Боссу, в его *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*, все эти цитаты, скомпилированы с помощью Хайдег-

гера, который оказал в этом неоценимую помощь. Для него проблематичность и поиск касаются Бытия, а не «бытийности»; и за это Бытие Хайдеггера заслуживает самой большой похвалы.

В одном мы можем быть уверены: Бытие не есть просто другое бытие. Не является ли «бытие», спрашивает он во *Введении в метафизику*, «вещью вроде часов, домов и т.п.?». Ответ на этот вопрос отрицательный: «Бытие здания не есть *другая* вещь того же *рода* как потолок или крыша». В работе *Was Heist Denken?* (1954) он исследует Бытие гор, домов и деревьев, и настаивает на том, что «Бытие не приписано горам, деревьям, или домам». В *Unterwegs Zur Sprache* (1959) он опять задает тот же вопрос: «Как обстоит дело с «есть»? Является ли «есть» другой вещью, которая надета на них подобно шляпе?» Конечно, нет. Мы можем прийти к такому отрицательному заключению: «Мы не можем непосредственно постичь Бытие бытий, ни через бытии или в бытии, ни каким-либо другим образом». Нет никакого сомнения в том, что когда мы ищем Бытие в вещах вокруг нас, «оно остается не обнаруживаемым». Все это очень загадочно:

Все вещи, которые мы поименовали, *есть*, и все же, когда мы хотим постичь Бытие, мы всегда попадаем в пустоту.

«Не охватывает ли нас головокружение», пишет Хайдеггер несколько ранее в *Кант и проблемы метафизики*, «когда мы пытаемся определить Бытие или даже рассмотреть его само по себе?». Некоторые философы пытались заключить, что «бытие» есть пустой термин, и его значение – «нереальный туман». Мы должны сопротивляться этому заключению. Потому что ясно, что вещи есть, и что они не могли бы быть без Бытия. В Послесловии в *Что есть метафизика* (1943) Хайдеггер настаивает на этой точке зрения: «Без Бытия», пишет он, «все вещи остались бы в Безбытийности (*Beinglessness*)». «Что стало бы с нами в мире», пишет он в работе *Что такое мышление*, «если бы это маленькое незаметное *есть* не могло бы быть мыслимо, ... если бы это твердое и постоянно утверждаемое «есть» было бы отрицаемо нами?». Бытия, которые должны оставаться в Безбытийности, включают, конечно, все изучаемое в естественных науках. Атомщикам, в частности, напоминает их зависимость от Бытия. «Если бы Бытие бытий не проявлялось бы, тогда электрическая энергия атомов никогда не имела бы места». Нет, слова «Бытие» и «есть» не пусты и не туманны. Совсем наоборот. Мы имеем в виду «нечто определенное» под этими словами, и определенность «Бытия» столь определена и уникальна, что мы должны настаивать на его бытии «как более уникальным по

сравнению со всем остальным». Его единственный аналог – Ничто – но «вероятно, даже Ничто подвластно Бытию и только Бытию». Так что, будучи совсем непустым и беспочвенным вопрос «Как обстоит дело с Бытием?», является самым ценным из всех вопросов.

Из уникальной уникальности Бытия следует, что оно «полностью другое», чем бытия, и вместе с тем, *sui generis*. Это делает трудным, если вообще возможным, описать Бытие. Так как Бытие «трансцендентно» и полностью отлично от бытий, мы не можем описать его нашим обычным словарем. Потому что наши обычные термины имеют значение только в применении к бытиям, которые и составляют мир обыденного опыта. А какие другие термины доступны нам? Временами Хайдеггер считает, что мы можем сказать только, чем Бытие не является, и в *Vom Wesen der Wahrheit* он называет его *Ungreifbare* (несхватываемое), *Unbestimmbare* (неопределимое) и *das sich verbergende Einzige* (уникальное, которое скрывает себя). Хайдеггер также говорит о Бытии как «самораскрывающимся», и в то же время как о «самоскрывающимся», то есть, убирающим себя от нашего взгляда. Эта «парадоксальная» природа Бытия кажется ему ясной. Когда мы смотрим на Бытие в бытиях, мы не можем определить его здесь. И все же, как мы видели, факт, что они *есть*, являются несущностями, показывает, что Бытие принадлежит им и есть в них. В *Письмах о гуманизме* (1947), одной из наиболее цитируемых послевоенных работ Хайдеггера, он перечисляет некоторые вещи, которыми не является Бытие:

Бытие – не есть Бог и не есть основание мира. Бытие есть больше, чем все существующее, и все же оно ближе к человеку, чем все существующие вещи, будь то скалы, животные, произведение искусства, машина, ангел или Бог. Бытие есть самая ближайшая вещь. Но эта близость остается наиболее далекой от человека.

И в конце все, что мы можем сказать, это то, что «Бытие есть само по себе». Это не праздное утверждение и не трюизм. Наоборот:

Испытывать и говорить это – это то, чему мышление будущего будет учиться.

В более поздних произведениях Хайдеггер настаивает, что мы даже не должны говорить, что Бытие *есть*, потому что это предполагает, что его реальность того же порядка, что и у бытий, и он использует слово «*west*» как более подходящий способ разговора о Бытии. Я не знаю, почему он не следует своей обычной практике образования глаголов для «гармонизации» отношений с существительным, как это имеет место в «Мир мирствует», «Ничто ничтоствует», «Настоящее

настояществует», «вещь вещуствует», и так далее. Ситуация такова, что переводчики не чувствуют себя в праве говорить, что Бытие бытийствует. «*West*» является производным от немецкого слова «*das Wesen*», которое означает «сущность», и по крайней мере, один автор перевел «*west*» как «сущности». Этот перевод не нашел понимания у экспертов по Хайдеггеру, потому что он не отдает должного «придания новизны значению понятия *Wesen*» Хайдеггером. Вернер Маркс говорил так: «Хайдеггер начал в своей второй фазе использовать это понятие с новой коннотацией, не говоря своим читателям о том, что он радикально отошел от традиционного значения Сущности. Этот факт не был распознан, и привел ко многим недоразумениям». Чего не поняли многие читатели, так это того, что у Хайдеггера новое понятие *Wesen* объемлет не только «что» об определенном феномене, но в то же время и его «это», традиционного называемое его существованием. Бытие – *west в и через* «конкретные бытии», и тем самым составляет их «что» и «это» в одно и то же время. Следует добавить, что, по предположению, не только Бытие, но также и Ничто «*west*», потому что это не Бытие, и занимает гораздо более высокое место в схеме Хайдеггера, чем простое бытие. То же самое относится к «четверне», одной из наиболее последних хайдеггеровских композиций, которая будет обсуждаться в последнем разделе.

Хайдеггер ссылается на различие между Бытием и бытиями как на «онтологическое» различие, и он напыщенно декларирует, что это «единственное основное различие, чья интенсивность и фундаментальный раскол поддерживают историю». Естественные науки ограничены одной стороной этого раскола, стороны бытий. «Неважно, где и как далеко продвинулись научные исследования», читаем мы в Послесловии к работе *Что есть метафизика?*, все равно наука никогда не обнаружит Бытия. Все, с чем она встречается, это бытии, потому что с самого начала ее объяснительная цель ограничена сферой бытий. Современный человек и философы со времени досократиков потерпели неудачу в обнаружении этого различения, и в результате этого они «забыли» Бытие. Бытие на самом деле есть «наиболее забытое, столь неизмеримо забытое, что эта забывание всасывается в его собственный вихрь». «С метафизической точки зрения», пишет Хайдеггер, «мы колеблемся. Мы движемся во всех направлениях среди бытий, и больше не знаем, каково Бытие. Самое меньшее, что мы знаем, что мы больше не знаем». Эта ситуация прискорбна. Через пять лет после только что цитированной жалобы Хайдеггер повторя-

ет, что «все постоянно бегут за бытиями, но едва ли кто-либо вспоминает о Бытии». Больше того, когда временами человек думает о Бытии и на краткий момент рассматривает приверженность («*Bindung*»), кажущаяся пустота понятия отталкивает его, «не устанавливается контакта». Я часто удивлялся, откуда Хайдеггер знает о существовании таких людей. Они что, писали ему письма? Или же он, в стиле Гадамера, смотрит в их глаза и замечает сперва, что человек внезапно ослеплен Бытием, и затем при повторном взгляде он решает, быть ему приверженным или нет?

Надо заметить, что метафизики не меньше, чем позитивисты и натуралисты, поражены этим забыванием Бытия. В идентификации их основной сущности – Бога, Абсолюта, Воли и пр., занимающих основное место в их системах, – с Бытием, метафизики совершают главный грех превращения Бытия в бытие. Они, таким образом, не лучше, чем натуралисты, которые отождествляют Бытие с природой, или материалисты, которые идентифицируют его с материей. Это очень странное прочтение метафизических и других до-хайдеггеровских философов, но это помогает показать, какое одинокое предприятие совершает Хайдеггер. Если оставить философов и философию в стороне, Хайдеггер и его последователи постоянно намекают, что бедствия современной жизни обязаны забыванию Бытия. Лерой Трутнер, американский образовательный философ, который изливался в своих чувствах к Хайдеггеру, описывал забывание Бытия как «наиболее монументальную потерю во всей истории». Ясно, что мы сталкиваемся с крушением пропорций. К счастью, не все потеряно. Потому что в XX в. появился на сцене человек по имени Мартин Хайдеггер, который посвятил свою жизнь «вспоминанию» Бытия. Люди, которые «вспоминают» Бытие, тем самым становятся «пасторами» Бытия, и их жизнь при этом приобретает новое достоинство. Со времени кончины Хайдеггера Бытие продолжают вспоминать несколько сотен пасторов и пасторш в различных частях света, но кажется, что большая часть человеческой расы продолжает не осознавать того, что причиняет им страдания. По выражению Трутнера, они подобны «грешникам, которые не знают, что они грешат перед Богом, и поэтому не испытывают необходимости в спасении».

«Da»

Человек является «пастырем» Бытия благодаря тому факту, что человек есть «Da» Бытия (или тождественен этому факту). «Da» есть немецкое слово для «здесь» (*here*), но в настоящем контексте оно обычно переводится как «тут» (*there*), так что утверждение Хайдеггера равносильно утверждению, что человек есть «тут» Бытия. Единственные объяснения, которые Хайдеггер предлагал, используют такие слова как «прояснение», «местоположение», «открытость», которые используются в этом контексте, конечно, метафорически. «В рамках вопроса о Бытии», пишет он в *Введении в метафизику*, «человек должен пониматься как место открытости, тут». «Человек не создает Бытия», по словам Гленна Грея, одного из главных поклонников Хайдеггера в США и первого редактора англоязычного издания его работ, «но он ответственен за него, так как без его мышления и вспоминания, Бытие не имеет ни освещения, ни голоса, ни слов». Гленн Грей, я должен заметить в скобках, один из самых трезвых пастырей. Он не впадал в пышное восхваление, и даже еще до недавних открытий о прошлом Хайдеггера критиковал его за отсутствие даже самых слабых сожалений по поводу бедствий, которые принес нацизм.

Учение Хайдеггера о том, что человек есть «Da» Бытия, «положение открытости» и «прояснение Бытия» считается великим открытием. Я же не вижу тут ничего значительного. Если убрать метафоры, его утверждения сводятся лишь к тому, что из всех известных сущностей человеческие создания являются единственными, которые размышляют над миром, кто не только видит, слышит и осязает объекты, но также размышляет над ними, и задает вопросы об их значении и ценности. «Мир» здесь используется в широком смысле слова, так что в него включаются и люди. Назвать это банальностью будет не совсем правильно, но едва ли это можно квалифицировать как открытие. Те же самые мысли приходили в голову многим людям, и нам не нужно затемняющей терминологии Хайдеггера для ее выражения.

Представляет интерес формулировки этой идеи двумя самыми ярыми поклонниками Хайдеггера, и в отличие от Глена Грея эти формулировки отдают пышными красками, из которых видно, что мы присутствуем при великом оригинальном прозрении. Согласно Вернеру Марксу, пастырю, которого я ранее цитировал в связи с прыжком Хайдеггера на берега Бытия и «рекомпозицией» понятия «*Wesen*», хайдеггеровское учение о «Da» дает нам совершенно новую идею

о значимости человеческой жизни. Из того факта, что «*Da*» человека есть ни что иное как *Da* Бытия, следует, что человек не просто проявление Бытия, но также открытое пятно, и что более важно, «избранное пятно, где высвечивается характер и смысл Бытия». Мы здесь сталкиваемся с подлинным «чудом». Потому что без «*Da*», «смысла, значения и природы» мира, и конкретные феномены было также невозможно понять.

Вернер Маркс является в какой-то степени невинным пастырем, который не понимает, что использует в высшей степени метафорический язык, который нуждается в переводе. Медавар Босс, также преданный ученик Хайдеггера, понимает, что его обвиняют в использовании метафор, и просто отрицает это. Я должен пояснить, что Босс, швейцарский психиатр, является создателем «*Daseinanalysis*», синтеза определенных идей Хайдеггера с некоторыми идеями психоанализа. Он был также одним из наиболее близких сотрудников Хайдеггера. Босс использует некоторые из метафор, уже употребленных ранее цитируемыми писателями, но он также добавляет и свои собственные. Человек, пишет он, «есть уникальная, первозданная, лучающаяся открытость», он есть «духовная яркость», в лучах которой освещается Бытие. Он есть свет, который освещает все конкретные вещи, которые попадают в область его лучей». Босс допускает, что это «онтологическое прозрение» не дает психотерапевту никаких новых методов лечения, но оно дает ему гораздо более важное.

В результате такого прозрения он получает новую, всеобъемлющую установку в отношении своего пациента и терапевтического процесса. Раз терапевт «действительно понимает», что в человеке это «как яркая сфера Бытия, сравнимая с поляной в лесу», все вещи, включая его сотоварищей-людей, «показывают и открывают себя прямо и непосредственно в их значимости и корреляциях», он будет иметь неисчезающее уважение собственных ценностей каждого феномена, с которым он сталкивается». Я предполагаю, что садистский и убийственные импульсы, а также любые извращения окажутся среди феноменов, к которым терапевт испытывает «постоянное уважение». Мы можем согласиться, что терапевт, как терапевт, не должен заниматься морализированием, но должен рассматривать все патологические феномены с «постоянным уважением» – это уже многовато, и не очевидно, что это должно вообще иметь какую-то ценность. Такое ощущение, что когда Босс пытается обратить других терапевтов в хайдеггеровское онтологическое прозрение, они в ответ жалуются, что он предлагает

«воображение и поэтический перефраз без всякого соотнесения с психологией или психиатрией, которые имеют дело с так называемыми эмпирическими фактами». На такие жалобы Босс отвечает, что его описание человека как «светящейся яркости» является буквальной истиной, а не просто метафорой. Это «очень трезвое и прямое описание наиболее конкретного условия человека».

Босс пишет как одержимый, который не терпит противоречий, но легко видеть, что он ошибается. Решающие слова – «освещение» (*illumination*), открытость, очищение – используются метафорически. Следует вспомнить, что освещение, о котором говорит Босс, имеет место не только потому, что мы видим объект, но и потому, что мы касаемся его, слышим, обоняем, и даже когда мы не ощущаем его, а просто вспоминаем, думаем или видим во сне. Когда слепой человек осознает объект, он точно так же «освещает» его, как и в случае его видения. Таким образом, даже если человек верит, ошибочно или извращенно, что когда мы видим объект, мы посылаем наши лучи на него, а не объект действует на нас, при этом нельзя избежать заключения, что утверждения Босса, если брать их буквально, очевидно ложны. Объекты буквально освещены лучами солнца или другого источника света, а не глазами воспринимающего, и определенно не нефункционирующими глазами слепого человека, или другими органами чувств, или же мыслями и размышлениями человеческих существ.

Внутри Окончательного

В последних своих сочинениях Хайдеггер готов предложить позитивные описания Бытия. Он всегда без всяких колебаний называет его «*The Open*». Бытие также оказывается тождественным «Священному». В послесловии к *Что есть метафизика?* нам говорят, что в то время как мыслитель «высказывает» Бытие, поэт «именует» Священное; отсюда явно следует, что мы указываем одну и ту же реальность. Хотя Хайдеггер никогда не отождествляет Бытие с Богом, совершенно справедливо замечено, что утверждаемое им о соотношении человека и Бытия полностью подобно тому, что теологи (Карл Барт, например) говорят о соотношении человека и Бога. Таким образом, нас заверяют, что человеческие существа не могут проложить свой путь к Бытию. Наоборот, если Бытие возникает, оно открывает себя людям своим «*Zuspruch*», то есть, «говорением» им. В этом контексте Хайдеггер ис-

пользует теологические термины «*Huld*» (*grace*- благоволение) и *Gunst* (*Favour* – благосклонность). Следует добавить, что хотя мы не можем проложить себе путь в Бытие, мы можем быть вовлечены в специальный вид мышления, который противопоставляется Хайдеггером репрезентационному или вычислительному способу мышления математики, естественных наук и большей части философии. Вовлечением в этот специальный вид мышления мы можем в высшей степени увеличить наши шансы того, что Бытие приблизит нас и позволит нам проникнуть в него.

В пассаже, процитированном ранее из *Писем о гуманизме*, Хайдеггер усиленно отрицает, что Бытие есть основание мира. Без всякого объяснения причин для утверждения обратного, Хайдеггер не колеблется в нескольких своих поздних сочинениях говорить о Бытии как основании *всех* вещей. «Бытие и основание», пишет он в *Der Satz vom Grund* (1957) «идентичны». Ничто «не имеет основания, но Бытие как то, что основывает, не имеет оснований». Немного позднее, в той же самой работе, он утверждает, что «только бытия имеют, необходимым образом, основание». «Бытие, которое само по себе основание, основывает, и делая так, оно позволяет бытиям быть бытиями». Ясно, что под «основанием» Хайдеггер не имеет в виду того, что средневековые философы имели в виду под «*causa in fieri*». Этот термин часто переводится как «производящая причина», и указывает на отношение родителя и отпрысков, где причина приводит к следствию. Некоторые комментаторы интерпретируют «основание» как «*causa in esse*» или «поддерживающая причина». Поддерживающая причина не обязана давать следствие, но обязана поддерживать его существование. Воздух и пища, поддерживающие живые существа, являются частью их поддерживающей причины. Многочисленные замечания в работах Хайдеггера имеют именно такую интерпретацию, но в пассаже в *Gelassenheit* (переведенное как *Размышление о мышлении*), которое содержит наиболее полное обсуждение этой темы, он опровергает эту интерпретацию. Здесь он говорит об отношении между «*gegnet*» (область) – слово, подставляемое вместо «Бытия» в этом «разговоре», и вещами. Заметив, что «очерчивание области того-которое-очерчивает не есть ни причина, ни следствие вещей», Хайдеггер задает вопрос о том, что мы должны называть отношением между Регионом и вещами, которым оно «позволяет быть». (Рецензируя работу Ernst Tugendhat – *Traditional and Analytical Philosophy* – Рорти пишет в *Journal of Philosophy*, 1985, 278 следующее: «Сам Хайдеггер перешел от пылкого программной

и квазигуссерлианской «фундаментальной онтологии» *Бытия и Времени* к ироническому стилю «пусть идет» (letting go -в *Gelassenheit*), которая характерна для его поздней философии – иронизм, подхваченный далее Деррида». Рорти имеет дикое воображение. Нет никакого намека на «иронический стиль» ни в *Gelassenheit*, и ни в какой-либо из поздних работ Хайдеггера). Ответ состоит в том, что Регион «определяет вещь как вещь», но Хайдеггер добавляет, что «определение не есть обуславливание и следствие».

Во II томе о Ницше нам говорят, что именно Бытие дает «содержание всем вещам...конкретный модус из Бытия». Есть также загадочное и часто цитируемое замечание в Послесловии к работе *Что есть метафизика?*, где Хайдеггер заявляет, что Бытие «дает каждому бытию право быть». К несчастью, далее это замечание не поясняется. Без всякого сомнения и колебания, мы время от времени имеем прямой причинный язык, который совершенно несовместим с тем, что Хайдеггер говорит об отношении между Бытием и бытиями. Таким образом, в Послесловии к *Что есть метафизика?*, в котором он говорит, что Бытие дает каждому бытию право быть, он также утверждает, что бытия происходят из Бытия, утверждение, которому вторит Босс, утверждающий в главе работы *Психоанализ и Дазайанализ*, отредактированное самим Хайдеггером, что «Бытие обладает таким неизмеримым избытком, которое только одно может высвободить в бытии все, что собирается быть таковыми». Эти утверждения звучат скорее как приписывание Бытию роли космической «производящей причины», но справедливости ради надо указать, что это было за несколько лет до обращения Хайдеггера к взгляду, что Бытие есть основание бытий.

Ясно, что бытии не могут существовать без Бытия, которое является их основанием. Даже до того, как Хайдеггер решил идентифицировать Бытие с основанием, он мог бы без колебаний сказать то же самое, поскольку, как мы видели ранее, без Бытия бытии утонут в безбытийности. А что можно сказать по поводу отношения в противоположном направлении: может ли быть Бытие без бытий? Можно ожидать, что Хайдеггер ответит на этот вопрос утвердительно, и он делал это до 1949 года. Таким образом, в Послесловии к 4-му изданию *Что есть метафизика?* (1943) он утверждает, что бытия не могут быть без Бытия, но что Бытие может «вполне» быть без бытий. В 5-м издании (1949) в предложении изменено не более трех слов, но утверждается совершенно противоположное, а именно, что Бытие может быть без бытий не в большей степени, чем бытии без Бытия. Послесловие к этой

поздней версии было перепечатано в сборнике статей *Wegmarken* 1967 года. В конце этой книги под названием *Источник публикации* дается следующая информация: «Послесловие к *Что есть метафизика?* было добавлена в 1943 году к 4-му изданию лекции. В 5-м издании текст Послесловия был переработан в нескольких местах». Никакого дальнейшего объяснения не прилагается. До сегодняшнего дня мы не знаем причин, по которым Хайдеггер осуществил такой сдвиг по поводу такого фундаментального для него вопроса. (Карл Ловит был первым, кто привлек внимание в первом издании своей работы² к такому переосмыслению. В последующем издании Ловит цитирует и разбирает попытку В. Шульца, немецкого пастыря, показать, что ранние и поздние утверждения Хайдеггера не взаимно противоречивы, а составляют «диалектическое единство»). В последние годы Хайдеггер придерживается все больше «в-этом-мире» позиции 5-го издания Послесловия в *Zur Seinsfrage*, очерке 1955 года, а также перепечатанном в *Wegmarken* «*Sein*» (Бытие) напечатано по диагонали. Это должно означать, что оно не существует в полной независимости от бытий.

В последние десятилетия жизни Хайдеггер был занят различными упражнениями, которые позволили ему (и нам) иметь более прямой доступ к Бытию. Такой доступ получается размышлением над «скрытым значением» в мире технологии, анализом пассажа из Парменида, о котором Хайдеггер говорит с безграничным восхищением, разработкой этимологии некоторых греческих или немецких слов, или размышлением над тем, что могло бы получиться в случае достижения нами определенного наклонения. Из этих поздних работ наиболее известна *Gelassenheit*, о которой я уже говорил. *Gelassenheit* (высвобождение) есть имя для специального наклонения, и в сущности это есть «медитативное» мышление, которое Хайдеггер долгие годы противопоставлял «вычислительному» мышлению, которое никогда не поднималось выше мира материальных бытий. Это не вид «пассивности», но *Gelassenheit* предполагает «отречение от воли». Для уверенности, что мы правильно поняли Хайдеггера, Джоан Стамбау, ведущая американская пастушка, утверждает, что в *Gelassenheit* мы просто не можем просто сидеть и ожидать, что «капнем в подол Бытия». Этого и в самом деле было трудно ожидать. Однако тут не требуется много трудов. Мы должны заняться специальным видом ожидания. Хайдеггер различает обычное ожидание (которое он называет «*erwarten*»), где мы ждем

² Karl Lowith. Heidegger – Denker in dürftiger Zeit, 1953.

чего-то, и которое включает репрезентационное мышление, и аутентичное ожидание (*warten*) *Gelassenheit*'а, которое *не имеет объекта*. В *Gelassenheit* «мы оставляем открытым, чего именно мы ждем». Так как Бытие «Открыто», мы можем позволить себе впасть в него, если мы достигнем открытости аутентичного ожидания. Мы имеем тогда следующий примечательный обмен репликами:

Учитель: Ожидая, мы оставляем открытым, чего мы ждем.

Ученик: Почему?

Учитель: Потому что ожидание выливается само в само Открытое...

Ученик: Само-Открытое есть то, чего единственного мы ожидаем.

Исследователь: В которое мы допущены путем ожидания...

Исследователь: Я старался избавиться от всякого репрезентационного мышления, потому что ожидание переходит в Открытое без репрезентационного мышления. Открытость Открытого есть Регион. Именно по этой причине, освобожденный от всякого репрезентационного мышления, я пытаюсь забросить себя в Регион.

Хайдеггер постоянно замечает, что Регион регионирует. Под этим он имеет в виду, что Бытие некоторым образом встречает нас и позволяет нам войти в него. Однако только в высшей степени развитая форма *Gelassenheit* является подходящим состоянием для завершения нашего поиска. Это только «составленное, устойчивое *Gelassenheit*» способно к «принятию регионирования Региона». Хайдеггеру при этом кажется, что он достигает преимущества, обладая ясным и незамутненным взглядом на Бытие. Профессор Джон Андерсон, переводчик и редактор американского издания *Gelassenheit*, убежден, что Хайдеггер здесь «говорит прямо относительно Бытия» и «дает объяснение его природы». Он стоит сейчас в «середине окончательного», и не удивительно, что профессор Андерсон находит это «возбуждающим моментом» – гораздо более возбуждающим, чем первый шаг Армстронга по Луне. В конце концов, что есть Луна, простое бытие, в сравнении с «окончательным», с Бытием, с Регионом регионов? Какую информацию оставляет Хайдеггер земле? Вот несколько примеров:

Регион собирает, как будто ничего не случилось, каждого к каждому в ожидании, в то же время покоясь в себе. Регионирование есть собирание и перестановка расширенного отдыха в ожидании. ... Регион есть ожидательное пространство, которое, собирая все, открывает себя,

так что в нем открытость останавливается и держится, позволяя всему слиться в своем собственном покое... Эти-которые-регионы регионирует, собирая все вместе, и позволяя всему вернуться к себе, чтобы покоиться в собственной идентичности. Тогда эти-которые-регионы сами есть близость расстояния, и расстояние близости.

Людам, которые не воодушевлены, как это имеет место с переводчиком Хайдеггера, эти результаты не кажутся чрезмерно впечатляющими.

Не будучи исключительным, этот пассаж подобен многим, в которых *Gelassenheit* кульминирует, полностью типичен для позднего Хайдеггера. Я процитирую три пассажа. В первом, написанном в 1946, *Фрагмент Анаксимандра*, есть такие слова:

Здесь мы говорим о выживании в смысле собирания, которое проясняет и раскладывает по полочкам; это само предполагает долговременную скрытую фундаментальную привычку присутствия, то есть, Бытия. Однажды мы научимся мыслить о нашем затасканном слове для истины (*Wahrheit*) в терминах выживания; переживание истины становится выживанием (*Wahrnis*) Бытия. И следует понять, что в качестве присутствия Бытие принадлежит к этому выживанию. Как защита Бытия, выживание принадлежит пастырю, который имеет столь мало общего с буколической идиллией и мистицизмом Природы, что он может быть пастырем Бытия только в том случае, если он продолжает занимать место Ничто. Оба являются одним и тем же. Человек может делать оба дела внутри открытости *Da-sein*.

Мой следующий пассаж взят из отрывка под названием *Логос* (Гераклит, фрагмент B50). Этот отрывок появился на странице посвящения Мартину Хайдеггеру в томе его *Основных произведений*, томе под редакцией Дэвида Крелла, одного из наиболее восторженных из всех пастырей, который мог бы без сомнения претендовать на пост секретаря-казначея Ассоциации Пастырей и Пастырш, если бы такая организация существовала:

Собственным для каждого собирания является то, что собиратели собираются для координации своих усилий в раскладывании по полочкам только когда они собираются вместе, имея в виду цель собирания.

Я не знаю, что Крелл ожидает от читателей в качестве реакции на прочтение подобного отрывка. Он, судя по всему, предполагал, что все произносимое Хайдеггером не только полностью постижимо, но и явно истинно, так что разногласий даже и не может при этом возникать.

Мой третий пассаж имеет дело с «четверичностью» (*das Geviert*) – четырьмя «областями человеческого обитания». Это небо и земля, боги и смертные. Герберт Шпигельберг, не пастырь, но сочувствующий, назвал «четверичность» «странной концепцией», но несмотря на свою странность эта концепция постоянно встречается у Хайдеггера в его поздних работах. Шпигельберг отсылает нас к очерку *Das Ding* для получения «общего представления» об этом понятии. Вот полностью репрезентативный отрывок из этой работы:

Небо и земля, божества и смертные – бытия в согласии друг с другом в своем взаимном согласии – объединены вместе благодаря тому, что являются простыми составляющими этой единой четверичности. Каждый из четверки отражает своим собственным образом присутствие другого. Это отражение не есть портретирование или подобие. Отражение, освещение каждого из четверки, подгоняет их собственное присутствие в простое, принадлежащее другому. Отражаясь в этой подгонке-освещении, каждый из четверки взаимодействует с другими. Подгонка отражения устанавливает каждый из свободных элементов четверки в его собственном виде, но связывает эти свободные в простоту их существенных бытий по направлению друг к другу.

Пассажи вроде этих могут быть, вероятно, лучше всего описаны словами несправедливо забытого австрийского философа Адольфа Штера (1855–1921), как форма «*glossogonous*» метафизики. Штер различал несколько различных систем и утверждений. Наименее им ценимые он называл «*pathogonous*» и «*glossogonous*», соответственно. Первая из них терпит неудачу в делании утверждений истинными о мире. Цель такого метафизика состоит в том, чтобы «утешить страдающее сердце»; и если, как то делаю постоянно теисты, деисты, пантеисты, абсолютные идеалисты, и реинкарционисты, он ухитряется успокоить страждущее человеческое существо физически и умственно, то то, что он делает, имеет некоторую ценность. Второй метафизик, «*glossogonous*», напоминает первого, тем, что, опять-таки, не делая истинных утверждений о мире, он в отличие от него он и не пытается дать успокоение страдающему человечеству. Все, что он делает, это «катание слов». Такое занятие не может дать комфорт людям, но, будучи осуществлено со сноровкой, оно может ввести в экстатический восторг, как это имеет место в случае профессоров Андерсона, Креля, и многих других почитателей Хайдеггера.

Право и позволение и быть

Утверждения, в которых поиск Хайдеггера находит свою кульминацию – например, «Регионы регионируют, как если бы ничего не случилось, друг в друга, и каждый во в ожидании, в то же время покоясь в себе» – уже не обсуждаемы. Они либо ничего не говорят вообще, или же, если они имеют какое-то содержание, оно ждет своего выражения. Однако, ранние этапы поиска Хайдеггера вполне дискуссионны, и в них есть много такого, что вызывает возражение. Главное возражение касается его веры в то, что «бытийность» или существование есть таинственная характеристика вещей. Хайдеггеру это кажется ясным, но может быть показано, что это просто ошибочный взгляд, и поэтому весь его поиск оказывается безосновательным. Я буду обсуждать этот вопрос детально в последних разделах. Имеются и другие возражения, которыми никоим образом нельзя пренебрегать. Нам, например, никогда не говорят, что имеется в виду под выражением «Бытие есть Открытость», и не приводят никаких свидетельств в пользу этого. То же самое приложимо к утверждению, что Бытие есть «Святость». Опять-таки, почему все эти вещи нуждаются в одном и том же «основании» (если вещи вообще нуждаются в основании), и почему основание должно быть реальностью, которое не есть Бытие? Моя собака нуждается в пище и воздухе для того, чтобы жить. Они являются существенными компонентами ее «основания». Однако, пища и еда, поддерживающие жизнь моей собаки, не являются теми же самыми, которые поддерживали жизнь собаки Юлиа Цезаря, если она у него была. И они являются «онтическими», или же естественными реальностями – они являются бытиями. Какова тут нужда в Бытии? Кстати, когда Хайдеггер говорит о Бытии как основании вещей, он совершает ужасный грех превращения Бытия в бытии. Эта критика предполагает, что им имеется в виду «поддерживающая причина», и многие его утверждения говорят о том, что это именно так.

Однако как мы видели, Хайдеггер также опроверг взгляд, что отношение между Бытием и бытиями имеет причинную природу. Нам постоянно повторяют, что отношение это в лучшем случае может быть описано как «позволение быть», и это указывает на не-причинное отношение. Как обычно, Хайдеггер не предлагает ничего, что может быть названо объяснением, но пастырьша Джоан Стамбау занимается этим вопросом в статье, которую я цитировал ранее. Она просит нас рассмотреть утверждение «Я выращиваю морковь и горох». Это ут-

верждение, заявляет она, ложно: никак невозможно на земле выращивать морковь или что-либо еще. Все, что человек может, это «позволить им расти, обеспечивая водой, почвой, и т.д.». Пастырша являются единственной из многих преданных, кто понимает, что «позволять быть» требует анализа. Но ее попытки дать такое объяснение оканчиваются неудачей. Потому что она дает нам пример причинного объяснения. Тот факт, что действия огородника не являются достаточной причиной роста овощей, не означает, что они не соотносятся причинно. Но нам не дают пример не-причинного отношения, которое могло бы служить моделью отношения Бытия и бытий. До тех пор, пока это не сделано, мы должны заключать, что Хайдеггер привержен причинному соотношению, к которому приложимы наши прежние возражения, или же заключить, что тут все непоследовательно.

Что касается гарантии вещей на Бытие, то возникает очевидный вопрос – почему бытии нуждаются в праве. Машины, холодильники, и прочие вещи нуждаются в гарантиях, но зачем это горам и рекам, животным и людям? Конечно, утверждение, что бытии требуют гаранта, нуждается в некотором обосновании. Здесь я полностью игнорирую вопрос о том, как можно интеллигентно говорить о таких странных вещах как Бытие или Регион, как о вещах, которые «гарантируют» что-то. Мы понимаем это слово только в контексте, в котором гарант есть наблюдатель или «онтическая реальность» типа человеческого существа. А что может означать оно, будучи приложимым к «непостижимому», «неопределенному», или «уникальному, которое скрывает себя»?

Кое-что должно быть также сказано в отношении курбетов Хайдеггера в вопросе о том, может ли Бытие быть без бытий. Я здесь не останавливаюсь на том, как это вводится Хайдеггером исподтишка. Я хочу просто заметить, что невозможно решить, какая из двух конфликтующих сторон права. Предположим ради иллюстрации, что последователи Хайдеггера разделились на «правых», которые поддерживают ранние его взгляды, что Бытие *может* быть без бытий, и «левых», которые утверждают, что Бытие не может быть без бытий. Как разрешить этот спор? Тут нет никакого наблюдательного теста. Быть может, есть логический или концептуальный? Едва ли. Вероятно, тут трюком могла быть апелляция к *Gelassenheit*.

Но это не поможет. Предположим, что как правые, так и левые достигли *Gelassenheit*, и каждая группа утверждает, что оно подтверждает ее мнение. Что тогда? Кажется ясным, что нет никаких резонансов

в пользу любой точки зрения, и что склонность Хайдеггера к левому крылу полностью произвольна, и иллюстрирует характер его философии – «все пойдет». В одной из своих тирад против «интеллектуализма» он противится замене старого калькулятивного мышления «традиционной логики» «явным чувством», но что кроме эмоциональных (или возможно политических) рассмотрений могло бы мотивировать его решение в пользу этой мировой-линии?

Бытие строительства и возможный инфаркт

Теперь вернемся к исходному пункту Хайдеггера: его поиску бытийности Бытия вещей – бытийности мела, школьного здания, лекционной комнаты и других вещей, из которых сделан мир. Обычным людям, которым читают пассажи Хайдеггера по поводу «проблематичности» чувств, все это кажется странным. И они правы в своей реакции. Его поиск бытийности или Бытийности вещей основан на ложной посылке, и обычный человек смутно понимает это. Я покажу, что это за посылка, и почему она ложна – другими словами, почему хайдеггеровская проблематичность есть псевдоисследование, а его поиск – фальстарт. При этом я буду полагаться на работы философов, к которым Хайдеггер презрительно относится как к «логистикам», и чьи идеи он не понимал, или не постарался понять.

Начать с того, что Хайдеггер совсем не различает «есть» предикации (небо есть голубое) и «есть» тождества (треугольник есть плоская фигура, ограниченная тремя линиями), и «есть» существования (есть Бог). Таким образом, он ошибочно верит в то, что «лекционная комната есть освещенная» является экзистенциальным утверждением той же самой формы, как «лекционная комната есть, то есть, существует». Следует также указать, что в английском «*is*» иногда используется для утверждения существования, но это неверно в отношении немецкого «*ist*». Только в искусственном языке некоторых философов это «*ist*» используется в качестве эквивалента «существует» (*existiert*). Хотя это обстоятельство и достаточно серьезно, оно не представляет в нашем случае главной трудности. А главная трудность состоит в полном некритическом восприятии Хайдеггером того, что бытийность или Бытие должно принадлежать вещам или быть «в» них. С первого взгляда это может показаться правдоподобным предположением. Мы, например, говорим, что тигры свирепы, и это предполагает, что тигры существу-

ют. Не так уж неестественно сконструировать это для демонстрации того, что существование является базисной характеристикой этой свирепости: тигр должен существовать для того, чтобы быть свирепым, но он не должен быть свирепым для того, чтобы существовать. Подобные утверждения приложимы к другим утверждениям, в которых мы приписываем свойства объектам – «оперные певцы тщеславны», «собаки преданны» и т.д. Во всех таких утверждениях базисная характеристика существования предполагается до того, как небазисные свойства – тщеславие, преданность – могут быть приписаны различным субъектам.

Предположение, что существование является наиболее базисным свойством существующих вещей – предполагаемое во всех их свойствах – кажется поначалу правдоподобным из-за грамматической формы предложений существования. Однако небольшое размышление показывает ложность такого предположения. Существование не является наиболее базисным свойством существующих вещей, потому что вообще не является свойством, и по этой причине не является частью или основанием или источником какой-либо вещи. Следующая иллюстрация поможет нам увидеть, что слово «существует» означает, и чего оно не означает. Я жалуясь другу, что недоволен секретарями, которые до сих пор у меня были, и что я ищу «суперсекретаря». Затем я объясняю, что под «суперсекретарем» я имею в виду человека, чья грамотность была бы совершенной (свойство C1), который бы печатал со скоростью 120 слов в минуту (C2), владел бы английским, хиндустани и китайским языками (C3), был экспертом в квантовой механике и космологии (C4), был доктором наук в области клинической психологии (C5), а также делает отличный кофе (C6). На это мой друг ответил: «Таких людей не существует». Я не согласился с ним и сказал: «Может быть, их трудно найти, но я уверен, что они существуют». Ясно, что когда я говорю, что «суперсекретарь существует», я не имею в виду, что «есть люди, обладающие свойствами C1-C6, и они существуют». И когда мой друг говорит, что суперсекретаря не существует, он не имеет в виду, что «есть люди, имеющие свойства C1-C6, и они не существуют». Я имел в виду, что кто-то в мире обладает свойствами C1-C6, то есть, что некто является суперсекретарем, а мой друг имел в виду, что никакая сущность в мире не обладает всеми шестью свойствами. То же самое относится к утверждениям «существует кот» и т.п. Когда я говорю, что коты существуют, я не приписываю котам свойств; я утверждаю, что нечто обладает свойствами, соотносимыми

со словом «кот», что эти свойства применимы к чему-то. Подобным же образом, когда я говорю, что единороги не существуют, я отрицаю, что нечто обладает свойствами, соотносимыми со словом «единорог», то есть, эти свойства не применимы ни к чему. Более обще, когда я говорю, что « x существует», я утверждаю, что свойства, составляющие содержание концепции x , приложимы к чему-то. (Имеется отличное резюме этого анализа в книге E. Tugendhat, *Traditional and Analytical Philosophy* (Cambriddge UP 1982): «Для того, чтобы установить, существуют ли единороги, мы не проверяем относительно возможных единорогов, применим ли к ним предикат «существование»; скорее, мы рассматриваем объекты пространственно-временного мира на предмет того, применим ли к ним предикат «единорог». Р. 300). Было бы хорошо теперь использовать менее запутанный язык, и говорить просто о «дескрипциях» или «концепциях», имеющих или не имеющих применения.

Бертран Рассел дал элегантную формулировку того, что мы обсуждаем. Когда мы делаем экзистенциальное утверждение, мы утверждаем, что определенная пропозициональная функция переходит в истинное суждение при замене переменной на подходящую константу. Таким образом, «существуют коты», эквивалентно «пропозициональная функция “ x есть кот” истинна для некоторых значений x ». Подобным же образом, «единороги не существуют» эквивалентно «пропозициональная функция “ x есть единорог” ложна для всех значений x ».

Ясно, что грамматическая форма утверждения «коты существуют» вводит в самое серьезное заблуждение. Оно предполагает, что то, о чем мы говорим, наши субъекты, это коты, и что мы приписываем им свойство существования. На самом деле, «кот» есть предикат, а субъект есть « x ». «Коты существуют» означает «Нечто есть кот». Для понимания такого анализа требуется обладать некоторой интеллектуальной гибкостью, и иметь способность выйти за пределы грамматической очевидности: мы должны совершить умственное усилие для того, чтобы перейти от наглядного субъекта (коты) к более правильной его позиции – предикатной. Такое интеллектуальное усилие явно не самого высшего порядка, но видно, что ни Хайдеггер, ни его ученики, которые усматривали бытийность куска мела, здания, не сделали такого усилия. Давайте вернемся на время к примеру Хайдеггера по поводу существования школьного здания. Если нечто и принадлежит школьному изданию, пишет он, так это свойство существования. Но это *не* так, если «принадлежит» означает, что существование школьного зда-

ния является его наиболее важным свойством. Школьное здание действительно существует, но это не означает, что оно имеет свойство существования. Это означает, что вещь, о которой говорит Хайдеггер, это школьное здание, или другими словами, дескрипция или концепция «школьное здание» может быть экземплифицировано.

Не только Хайдеггер, но и всякий, кто в первый раз сталкивается с этим предметом, склонен интерпретировать существование как свойство. Коты существуют: что может быть яснее, чем убеждение, что всем им свойственна характеристика существования, которая является таким же общим их свойством, как свойство быть животным. Теперь мы видим, что это неверно. Верно, что коты существуют, но это означает просто применимость концепций к чему-то. Но это не значит, что коты разделяют свойство существования. Что касается предположения Хайдеггера, что существование является наиболее базисным свойством, предполагаемым всеми другими вещами, мы теперь видим, что это просто неправильное описание ситуации. Верно, что свирепость тигров предполагает их существование, но это не значит, что тигры должны обладать базисным свойством существования для того, чтобы обладать менее фундаментальным свойством свирепости. Это означает, что предикатное утверждение «тигры свирепы» логически предполагает экзистенциальное утверждение «тигры существуют»; а последнее утверждение никак не приписывает свойства существования тиграм, а утверждает, что дескрипция «тигр» применима к чему-то.

Ясно, что грамматическая форма не является надежным гидом к значению или содержанию утверждений. Люди, которые не видят этого в связи с экзистенциальными утверждениями, обычно не имеют затруднений в принятии точки зрения, когда грамматическим субъектом является «ничто». Все согласны с тем, что в предложении «ничто не является красным и голубым» (в английском оригинале *nothing is red and blue* – прим. переводчика) нет указания на какую-то сущность, которая была бы красной и голубой. Мы имеем в виду, что нет такой сущности, которая была бы красной и голубой. Наш реальный логический субъект – это «нечто», а слово «ничто» указывает, что мы отрицаем о нечто, что оно красное и голубое. В терминологии Рассела: пропозициональная функция « x есть красное и голубое» ложно для всех значений x .

Некоторое прояснение экзистенциальных утверждений, проделанное здесь, обязано Канту, но несмотря на некоторые намеки, Кант не сумел дать позитивного объяснения существования. Он понимает,

что слово «существует» не является именем свойства, но он не преуспел в том, чтобы дать значение этого слова. Лучшее объяснение этого состоит в том, что «существование» принадлежит к классу констант (на что указали Рассел и ряд современных логиков) – словам типа «или», «не», «возможный», «все». Все эти слова имеют ясное значение и играют важную роль в языке, но они не являются именами свойств, естественных или сверхъестественных, или же именами вещей, знакомых или таинственных. Если я говорю «на приеме на мне будет черный или синий галстук (но не красный или зеленый)», каждый понимает, что при этом я не указываю на какую-то сущность под именем «или». И то, что я не могу найти в мире «или-ность», не лишает значения слово «или», и не делает его бесполезным. Подобные замечания приложимы ко всем логическим константам. То обстоятельство, что «существует» является логической константой, или более специфично, квантором, легко видно из того, что если мы заменим «существует» на «имеется» (что вводит в действие всю логическую машинерию), то значение утверждений при этом не изменится. «Коты существуют» означает «имеется x , такое, что x есть кот».

Было бы поучительно рассмотреть и слово «возможный» в таких утверждениях как «человек был положен в госпиталь с возможным инфарктом». Грамматически здесь «возможный» функционирует как прилагательное. Однако, никакое обследование сердца человека не даст нам свойств, которые бы были обозначены словом «возможный». Сторонник Хайдеггера мог бы сконструировать «проблематичную возможность», и аргументировать, что поскольку инфаркт был определенно возможен, эта возможность должна принадлежать сердцу или самому человеку. Однако, так как мы не можем воспринимать эту возможность, она должна быть «*transcendens*», «полностью другим», «неохватываемым», «неопределимым» и т.п. Люди много говорят и думают о специфических возможностях – возможном повышении зарплаты, возможной победе на выборах, возможном инфаркте, но кто из них вспоминает о *die Möglichkeit als solche*, возможности как таковой, Возможности возможностей, Возможностьности? Люди забыли Возможностьность. Если кто-то из них по случайности вспоминает о ней на момент, то он столь переполнен его величием, что немедленно возвращается к земной и вульгарной возможности типа возможности лечения рака или возможности уничтожения биржи. В результате Возможностьность столь полностью и прискорбным образом забыто, что забывание Бытия даже отдаленно не сравнимо с такой забывчивостью.

Здесь наверняка есть поле приложения усилий пастырей и пастырьш для того, чтобы спасти человечество от несчастий. «Проблематичность возможности», как и ее мистическое разрешение, избегаются немедленно, как только понято, что грамматически прилагательное «возможный» на самом деле оказывается логическим оператором. «Человек возможно получил инфаркт» эквивалентно «возможно, что человек получил инфаркт». И в этом случае ясно, что нет нужды в хайдеггеровском поиске.

Следует заметить, что утверждаемое Хайдеггером «онтологическое различие» в некотором смысле совершенно верно. Он прав, когда утверждает, что Бытие не есть бытие, но истинность этого не есть что-то большее, чем утверждение о том, что слово «существует» есть логическая константа, а не имя свойства. Далее, слово «существует» имеет уникальную функцию – его функция как логической константы значительно отличается от функций других логических констант – но это не означает, что это слово обозначает уникальную и таинственную реальность. Вещи вполне могут иметь таинственные свойства и ингредиенты, таинственное происхождение и основание, но существование не может быть среди них.

Следует также сказать кое-что о хайдеггеровском «открытии» «парадоксальной природы Бытия», его «таинственной тенденции» открывать себя, как и закрывать себя в бытиях – этаком космическом и вневременном стриптизе. Эта тема постоянно повторяется в поздних произведениях Хайдеггера, и мы теперь видим, что здесь нет никакой «тайны», и что Хайдеггер тут ничего не открыл. «Сокрытие Бытия» есть способ указания на тот факт, что когда мы рассматриваем существование вещей, мы не можем его обнаружить. «Открытие» Бытия есть отнюдь не необходимый мистический способ выражения того, что вещи, тем не менее, существуют. Мы можем справедливо охарактеризовать открытие Хайдеггером «парадоксальной природы Бытия» как напыщенное переописание этих фактов. И, подобно анализу экзистенциальных утверждений, изложенному выше, это на самом деле не объясняет ничего.

Представляет некоторый интерес критика Канта со стороны Уильяма Баррета, который в отличие от большинства пастырей, сознает, что анализ существования Кантом и Расселом представляет собой смертельную угрозу хайдеггеровскому поиску. В связи с иллюстрацией о концепции ста долларов Кант заметил, что в сотне возможных долларов нет ни цента меньше и ни цента больше, чем в сотне реальных

долларов. Кант, согласно Баррету, был также достаточно искренен, когда допускал, что в отличие от возможных ста долларов реальная сотня имеет значение для финансового положения человека. Почему же, спрашивает Баррет, «это недовольное признание земного факта, сделано почти в случайной сноске?» Обычный человек «хорошо знает эту разницу между реальными и возможными деньгами». Баррет считает это мощным аргументом от здравого смысла против утверждения Канта о том, что существование не есть свойство. Обычный человек «может воскликнуть, что если для философа нет разницы между реальными и возможными деньгами, тогда тем хуже для философов».

Это поверхностно правдоподобный аргумент неверен, если мы учтем, что собственно тут имеется в виду. А имеется в виду вопрос о том, является ли существование свойством существующих объектов. Хайдеггер предполагает это. Кант и Рассел отрицают это. Давайте предположим, что А нужны деньги, которых у него нет. Он мечтает о сотне долларов. Это просто мечта. После этих мечтаний богатый дядюшка посещает А и дает ему эти деньги. Баррет верит, что просто мечта о ста долларах не имеет свойства существования, которое характерно для реальных ста долларов. Но это не так. Совершенно верно, что тут есть значительное различие. Реальные деньги имеют *физическое* существование. Они обладают определенными свойствами – материальными и физическими – которых нет у возможных денег. Они имеют массу, протяжение, и физически наблюдаемы.

Но нет никаких причин для того, чтобы считать, что они обладают свойством существования. Следует помнить, что мечта А существует не в меньшей степени, чем физическая сотня долларов. Слово «существует» означает то же самое в обоих случаях. Баррет путает физичность с существованием. То, что это не одно и то же, следует из факта, что «физический объект существует» не является тавтологией. В терминологии Канта «физический» есть реальный предикат, но это не означает, что таковым является «существует». Мы, конечно, могли бы решить, что «существует» означает то же, что и «физический». Но это не помогло бы Хайдеггеру, и не привело бы ни к чему, кроме путаницы. Потому что нам все еще нужно было бы слово для той работы, которую делает «существование», то есть, позволить утверждать данное свойство в качестве применения к каким-либо предметам.

Следуя предположению Баррета, я провел это обсуждение в терминах различия между реальными и возможными деньгами. Но это может быть сделано также и в терминах концепции и объекта. Тезис

Канта состоит не в том, что объекты, соответствующие данной концепции, являются этими концепциями. Его тезис состоит в том, что существование объекта, соответствующего данной концепции, не является свойством объекта. Концепция сотни долларов явно не тождественна с сотней физических долларов, но равным образом и концепция мечты не тождественна мечте. Мы можем есть томаты и горох, но не соответствующие концепции. Ничего из того, что мы рассматривали, не показывает, что существование любой из этих вещей – томатов, гороха, сотни долларов или мечты о сотне долларов – является свойством этих вещей, а именно это и есть тот самый вопрос, который важен.

Экзистенциалисты любят замечать, что перед тем, как «логизировать» или философствовать, философ «сначала должен существовать». Более обще, это предполагает, что так как «существует» иногда означает «живой», и так как «живой» явно является свойством, существование также должно быть свойством. Это интересное возражение, но оно неверно.

Неизмеримая забывчивость Бытия

Предшествующая дискуссия проливает свет на то, почему хайдеггеровские выражения «забывание Бытия», «вспоминание Бытия», «приверженность Бытию», «открытость Бытию» и многие другие кажутся столь загадочными и непостижимыми. В томе 7 *Истории философии* Отец Фредерик Коплстон, человек тонкий, блестящий исследователь, и вежливый критик, кратко обсуждает утверждения Хайдеггера относительно мировой забывчивости Бытия. Коплстон комментирует, что Хайдеггер, кажется, «неспособен объяснить ясно, что они забыли, или почему эта забывчивость должна быть столь разрушительной, как он о том говорит». Подобным же образом, когда студентам, не приверженным к той или иной точке зрения, преподносят утверждения Хайдеггера, они терпят неудачу. Мы теперь можем видеть, что такая реакция совершенно оправданна по той простой причине, что все эти выражения просто бессмысленны. Я покажу это в деталях в связи с «забыванием Бытия», но это относится и к другим выражениям.

Если «существует» было бы именем вещи, или оно означало бы характеристику или активность, тогда можно было бы сказать, что кто-то забыл его. Как мы видели, однако, «существует» есть логиче-

ская константа, и не имеет смысла говорить, что оно забыто, поскольку логическая константа ничего не обозначает. Человек может забыть, кто такой Джордж Вашингтон, он может забыть время посещения дантиста, или как ездить на велосипеде. Человек может забыть, каким жестоким правителем был Сталин, или он может забыть, что было такое свойство как жестокость. В случае предполагаемого обозначаемого логической константы, с другой стороны, просто нечего забывать. Это, кстати, есть причина того, почему Хайдеггер в начале своего поиска чувствует, что достигает пустоты. Он ищет референт для «существует», и даже он сам имеет половинчатое ощущение, что нет такового.

Есть такой смысл, в котором некто может забыть, что означает логическая константа, но не в том смысле, в котором это требуется для Хайдеггера. Человек с серьезными повреждениями мозга мог бы забыть значение «или» и «не», а также «существует». Это означает, что он не мог бы больше понимать дизъюнктивные и экзистенциальные утверждения. Но это явно не то, что требуется Хайдеггеру: предполагаемые забыватели Бытия – человечество вообще и большинство философов – превосходно понимают экзистенциальные утверждения. Больше того, некоторые из них – Кант, Фреге, Рассел – имеют очень хорошее понимание логической грамматики «существует».

Есть такая тенденция, особенно среди тех, кто чувствует, что Хайдеггер должен что-то значить – интерпретировать «забывание» или «воспоминание Бытия» таким образом, который придал бы смысл этим фразам, но которые опровергаются исходными постулатами Хайдеггера. Таким образом, некоторые читатели могут рассматривать отчуждение многих обитателей городов от «природы», а другие могут ассоциировать фразу «забывание Бытия» с потерей контакта с более глубокими эмоциями, которые весьма общи для современного мира. Вероятно, Хайдеггер имел в виду такие вещи, но он не мог бы иметь ничего подобного, если бы он был верен тому, что он говорит об онтологическом различии. «Природа», то есть такие объекты как животные и растения, леса и горы, не менее, чем человеческие эмоции, являются бытиями, а не Бытием. Больше того, если все, что имел в виду Хайдеггер, состояло в том, что современный человек отчужден от природы или от глубоких чувств, это все могло бы быть сказано без разговора о забывании Бытия.

Заключение

Сочинения Хайдеггера, особенно после *Бытия и времени*, гораздо хуже, чем то, что мы с вами обсуждали выше. Много лет назад в рецензии на *Введение в метафизику* Антони Квинтон говорил о «громоздком и вздорном витании в облаках», и отмечал, что книга кажется лучше в резюме, чем полностью. *Введение в метафизику* было написано в 1935 году, и в сравнении с тем, что последовало за ним, было образцом ясности и краткости. Я привел несколько примеров словотоков Хайдеггера, но заметьте, что я приводил более или менее дискутируемые вещи. Независимо от того, о чем начинается речь в поздних произведениях Хайдеггера, будь это пассаж о Пармениде, поэме Гельдерлина, или же цитате Ницше, конец один и тот же: Бытие «*west*», Присутствие присутствует, Бытие скрывает себя, но раскрывает себя в этом самом сокрытии, или же наоборот, Приобретение приобретает (я выбрал эти вещи из-за жалости к читателям), и конечно, тот факт, что бытия не являются Бытием. А в перерывах мы получаем фальшивые греческие и немецкие этимологии, которые не доказывают ничего, даже если они не фальшивы, а также всякого рода ухищрения, включающие постоянное разбиение немецких слов (что Шихан удачно назвал «переносками»). Хайдеггер также пускает в оборот новые слова, которые остаются без всякого объяснения. В результате мы имеем огромную массу ужасной тарабарщины, которая является уникальной в истории философии. Все это представлено в стиле оракула, с предположением, которое иногда устанавливается точно, что различные высказывания являются эманациями высшей силы.

Бытие и время содержит большую дозу непроходимого жаргона, и в моей монографии *Хайдеггер и смерть* 1979 г. я попытался показать, что «знаменитая» часть про смерть состоит по большей части из претенциозно выраженных банальностей. Однако книга содержит ряд интересных и потенциально ценных идей. К несчастью, все эти идеи выражены столь загадочно, что просто вопиют о необходимости объяснения, которое не может быть найдено в писаниях пастырей и пастырш, чьи излияния являются по большей части перефразами текстов Хайдеггера, сопровождаемые пустозвонством и лирической поддержкой. К счастью, очень способный немецкий философ Эрнст Тугендхат, экс-пастырь, который ушел в аналитическую философию, сделал серьезную попытку, полагаю, успешную, уточнить темное место Хайдеггера о том, что «*Dasein* есть сущность... для которого в самом бытии это

бытие есть обеспечение для этого». Анализ Тугендхата переводит утверждение Хайдеггера в утверждение о том, что человеческие существа обладают желаниями второго порядка относительно желаний первого порядка, то есть, относительно того, какого рода личностями они должны быть. Это хорошее начало, и я надеюсь, что те, у кого есть терпение, последуют Тугенхату.

В своей статье в журнале «Новая Республика» Рорти предсказывает, что философы «через века» придут к тому, что поймут выигрыш от хайдеггеровского «оригинального и мощного нарратива» истории философии от греков до Ницше. Весьма сомневаюсь в этом. Полагаю более вероятным, что Хайдеггер будет продолжать восхищать жадных до мистицизма анемичного и чисто вербального вида *glossogonous* метафизиков, выдающимся примером чего является сама его философия. Плохо, что люди, ориентированные на это, будут существовать долгое время, и поэтому Хайдеггером будут восхищаться в будущих веках. Более трезвые и рациональные люди будут продолжать считать феномен Хайдеггера гротескной аберрацией человеческого ума.